

10. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д.458.Л.69; Д. 559. Л.3.
11. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 669. Л.76, 94.
12. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 458. Л. 70.
13. Составлено по: ГАНИСК. ФР. 1.ОП.1. Д. 553. Л. 72-75, 156.
14. Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1989 – №44. – Ст. 1305.
15. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 736. Л. 82, 86, 87; Д. 739. Л. 59.
16. ГАНИСК. ФР.1. Оп.81. Д. 559. Л. 108.
17. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 730. Л. 18.
18. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д.470. Л. 20.
19. ГАНИСК. ФР.1. Оп. 81. Д. 739. Л. 27.

УДК 94(470.6):329

В. С. Клопихина

**У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ УСТНОЙ ИСТОРИИ
(ОПЫТ РАБОТЫ ИСПАРТОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
ПО ФОРМИРОВАНИЮ КОРПУСА ИСТОЧНИКОВ ЛИЧНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ)**

В статье рассматриваются формы и методы работы истпартов Северного Кавказа, направленные на формирование фонда воспоминаний, которые положили начало отечественной устной истории.

Ключевые слова: истпарт, источники личного происхождения, воспоминания, устная история.

V. S. Klopikhina

**AT THE OUTSET OF DOMESTIC ORAL HISTORY
(EXPERIENCE OF ISPARTO OF THE NORTH CAUCASUS ON THE FORMATION
OF THE CORPS OF SOURCES OF PERSONAL ORIGIN)**

The article considers the forms and the methods of operation of «Histparts» of the North Caucasus, pointed at the creation of the fund of the memoirs, that marked the beginning of national oral history.

Key words: «Histpart», the sources of personal origin, the memoirs, the oral history.

Работа Истпарта (отдел ЦК РКП(б) – ВКП(б), занимавшийся с начала 1920-х гг. изучением вопросов, связанных с историко-революционной проблематикой и историей Российской Коммунистической партии) и его региональных отделений в 1920–1930-е гг. по сбору воспоминаний положила начало отечественной устной истории, традиции которой впоследствии были утрачены и восстанавливаются сегодня на иной методологической и методической основе. В условиях повышенного исследовательского интереса современ-

ных историков к методикам устной истории актуальным является рассмотрение собирательской деятельности региональных истпартов, в частности истпартов Северного Кавказа, в процессе которой вырабатывались новые подходы к выявлению исторических источников, уделялось особое внимание устным и личным источникам и методам их создания и обработки.

Основные задачи и направления функционирования истпартов были связаны с осуществлением ими исследовательской и популяризаторской деятельности по

историко-революционной проблематике с позиции правящей партии. Для реализации поставленных задач истпарты осуществляли работу по выявлению источников по истории революционного движения, Гражданской войны, а также инициировали формирование нового корпуса источников – воспоминаний. Изначально сбор воспоминаний рассматривался Истпартом как вынужденная задача, порожденная «скудостью материалов чисто партийного характера», необходимых для осуществления исследовательской и популяризаторской работы. В отличие от прежней, дореволюционной оценки воспоминаний, как «человеческого» документа, они важны были не личностью его автора, а степенью отражения определенного периода жизни партии, свидетелем или участником которого он был [1, с. 9–10].

Анализ инструктивных материалов центрального Истпарта и практики функционирования истпартов Северного Кавказа позволяет выявить основные способы осуществления собирательской деятельности на местах. В обращении центрального Истпарта содержался призыв собрать как можно больше «рассказов» для воссоздания «картины совершившегося» [7, с. 9]. Так, региональным истпартам предписывалось разыскивать и регистрировать старых партийных работников, настойчиво приглашать их к написанию воспоминаний, а в случае необходимости записывать мемуары с их слов. Воспоминания, записанные самими авторами, должны были быть просмотрены и в случае существенных пробелов дополнены путем опроса автора [11]. Изначально был определен круг лиц, у которых необходимо было собирать воспоминания, куда входили участники и свидетели революционных событий и Гражданской войны, лояльные большевистской власти.

В директивных документах центра говорилось о необходимости вести систематическую кампанию воздействия на современников революционных событий для получения воспоминаний. Для этого рекомендовалось публиковать в местной прессе воззвания к этим людям, посылать подоб-

ные воззвания на их конкретные адреса. Важное место в этой работе занимало интервьюирование участников и свидетелей по отдельным событиям или ряду событий революционного движения. Использовалось также материальное стимулирование соответствующих мемуарных сочинений. В печати должны были регулярно появляться статьи, пропагандировавшие работу местного истпарта, а истпартовским работникам необходимо было с этой же целью выступать на партсобраниях [12].

В практике работы местных истпартов эти установки имели и свою специфику. Для региональных истпартов стимулирование написания воспоминаний являлось одной из приоритетных задач. Судя по документам истпартов Северного Кавказа, они активно использовали обозначенные средства активизации сбора воспоминаний. В работе истпартов по сбору мемуарных источников определенное содействие оказывали и местные партийные органы. Принимались специальные постановления местных комитетов партии, в которых члены партии, получившие задание написать воспоминания, должны были предоставить их истпарту в порядке партдисциплины [19]. Для помощи в собирательской работе истпартов использовались местные партийные конференции, которые принимали соответствующие резолюции [14].

Для подготовки персональных воспоминаний работники истпарта давали задания конкретным лицам написать свои воспоминания. В этой работе главную трудность представляла неграмотность или малограмотность многих участников революционного движения. Такие задания могли выполнить только грамотные люди, способные более или менее внятно осветить историю революционных событий. Чаще использовалось письменное анкетирование свидетелей революционных дней и Гражданской войны. Анкеты были разработаны сотрудниками центрального Истпарта, а на местах истпарты их либо распространяли по почте, либо такие анкеты помещались в соответствующих печатных изданиях.

М. Н. Покровский, принимавший активное участие в организации и деятельности Истпарта, считал главной проблемой при сборе воспоминаний не их источниковую ценность, а умение их готовить, умение «допрашивать» участников событий. Повинуясь официальной тенденции считать воспоминания второстепенным источником по сравнению с официальными партийными документами, он как профессиональный историк утверждал, что как документы «нужно уметь читать», так и воспоминания «нужно уметь выуживать». Поэтому Покровский считал наиболее эффективной формой сбора воспоминаний заполнение тщательно разработанных анкет [8, с. 9–10]. Самая первая анкета была посвящена информации по истории Октябрьской революции и распространялась еще в 1920 году [7, с. 10–13].

М. Н. Покровский лично разработал проект анкеты для опроса участников и свидетелей революции 1905 года. Этот проект содержал большой перечень детальных вопросов [9]. Анкета предназначалась не столько непосредственно участникам и свидетелям революционных, сколько тем, кто будет собирать сведения. Основной акцент в ней был сделан на то, что сбор воспоминаний должен был производиться, в первую очередь в рабочей массе. Анализ работы истпартов Северного Кавказа показывает, что данная анкета широко использовалась сотрудниками региона для сбора воспоминаний.

Изучение мемуарного комплекса истпартов показало различные формы функционирования анкет. Заполненные анкеты в виде ответов на вопросы представляли информацию о событиях. Одновременно бланки анкет были пособием для ориентации мемуариста, а также методическим подспорьем по сбору воспоминаний для работников местных истпартов. Изучив содержание этих анкет, приходится согласиться с В. В. Кабановым, что воспоминания, полученные путем анкет-вопросников, слишком лаконичны, часто в них отсутствуют точные даты описываемых событий, а материал изложен хаотично и несвязно

[6, с. 284]. Дело в том, что такие анкеты предлагали не столько структуру воспоминаний, сколько предопределяли их содержание. Тем самым истпарт обладал определенными инструментами формирования новой исторической памяти не только всего населения, но и участников событий.

Первое время работы местных истпартов его сотрудники активно искали новые методы подготовки воспоминаний. Это было связано с практическими трудностями сбора воспоминаний по схеме центра. В основном на местах из-за нехватки подготовленных кадров управленцев значительную часть партийно-советских и общественных должностей занимали бывшие участники революционного движения. Поэтому в большинстве своем задания отдельным лицам по написанию воспоминаний не выполнялись из-за перегруженности потенциальных авторов текущей работой. Поэтому истпарты начали регулярно проводить в клубах, на предприятиях вечера воспоминаний. В результате вечера воспоминаний стали одним из самых распространенным способом сбора мемуарных источников.

Информация о месте проведения, о количестве присутствовавших, о выступавших докладчиках на вечере, а также в ряде случаев протоколы или стенограммы выступлений поступала в истпарты. Источники свидетельствуют о широком размахе такой работы в регионе.

Такие вечера, кроме формирования комплекса устных источников, были способом формирования новой модели исторической памяти. Дело в том, что каждый такой вечер всегда открывал представитель истпарта с сообщением, в котором говорилось о целях и значении работы самого истпарта. Затем зачитывались доклады о революционных событиях в крае, губернии или округе, а также в конкретном городе или селе. Наконец, на таких вечерах предоставлялось слово участникам событий для доклада или воспоминаний. Представитель истпарта, выступая перед собравшимися людьми, обязательно говорил об исторической важности участия в революционных

событиях того или иного предприятия, того или иного города или района, где проходил вечер. Таким способом, в сознании участников собрания утверждался образ места своей жизни или места работы как революционный локус.

Кроме того, внедрялось понимание общественной важности сбора и сохранения любой информации о революционных событиях. Тем самым истпартовец идеологически направлял весь ход собрания. Более того, атмосфера и «дух» вечера оказывали существенное влияние на содержание оставленных воспоминаний. Это экстраполировало представления сформировавшихся в ходе собрания взглядов на историю революционной борьбы и реальное место отдельно взятого ее участника в этом процессе. Однако главным итогом таких вечеров было получение «живых» воспоминаний в процессе собрания, так как речи выступавших стенографировались. Учитывая малограмотность населения, такой способ был достаточно эффективен. Стенограммы часто выдавались на дом самим выступавшим для внесения исправлений и дополнений. При этом отмечались случаи, когда по таким стенограммам были написаны «целые очерки» [16, с. 236].

Анализ стенограмм показывает, что зал активно участвовал в обсуждении выступлений, практически вечера воспоминаний превращались в многоканальные диалоги, когда речи выступавших перебивались поправками, они сами обращались к присутствовавшим на встрече, что даже мешало стенографированию [18]. Следует обратить внимание на эмоциональный настрой таких собраний, отраженный в оставшихся стенограммах, который также способствовал формированию советского массового сознания. Наблюдается торжественность и энтузиазм участников вечеров. Именно эмоциональным подъемом объясняется и принятие громких постановлений, которые в жизни никогда не осуществлялись как утопические и принимались, видимо, под влиянием воодушевления участников собрания. Например, принятие решения на совеща-

нии участников революционного движения о том, что необходимо назначить определенное место для постоянных ежедневных вечеров, слетов участников событий. Члены собрания размахнулись до предложения проводить дневные беседы при красных уголках, протоколировать воспоминания, озвученные на слетах с последующим зачитыванием их на следующих собраниях [17].

Формы проведения вечеров воспоминаний в 1920-е гг. были различными. Это были и узкие вечера-совещания участников революционных событий, как правило, тематические, когда каждый участник совещания обязательно оставлял свою информацию. Значительно чаще практиковалось проведение вечеров воспоминаний в виде собраний с присутствием от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, где докладчики выступали с предварительно подготовленными воспоминаниями. Такие собрания в большей степени транслировали в массы историко-революционные идеи, нежели фиксировали устные источники. Однако и на подобных вечерах происходил сбор источников, так как многие присутствовавшие заполняли розданные сотрудниками истпартов анкеты.

Надо заметить, что и информативность совещаний участников революционных событий и Гражданской войны также была не всегда высока. Во многих выступлениях вместо конкретных данных о событиях отражалось уже сформированное властью отношение к этим событиям, а идеологические лозунги подменяли исторические факты. Например, стенограмма совещания 56 участников Гражданской войны на Ставрополье, проведенного по инициативе И. Апанасенко [2], была оценена Краевым истпартом отрицательно, так как на нем «говорилось обо всем, но мало о чем определенно сказано». Выступавшие говорили в основном о себе и практически ничего о других участниках революционных событий. В целом материал характеризовался как не представляющий целостности и требующий большой обработки и проверки [3].

Помимо того, что участники революционных событий и Гражданской войны могли рассчитывать на определенные социальные привилегии государства, за предоставление воспоминаний они могли получать дополнительную помощь, что было дополнительным стимулирующим фактором для формирования фондов воспоминаний. С учетом этого обстоятельства становятся ясными сентенции, которые, казалось, к революционным воспоминаниям не имели отношения, как то: «я потерял свое здоровье в борьбе за революцию, за право трудящихся и в настоящее время моя жизнь в кошмаре», «прошу дать мне помощи как борцу за свободу... пострадавшему в революции» [4]. Более того, именно в истпарты люди обращались за справками об их участии в революционном движении, когда в качестве подтверждения этого факта использовались воспоминания [5].

Анализ мемуарных фондов местных истпартов позволил выявить наличие воспоминаний в форме автобиографий, составленных как самими участниками революционных событий и Гражданской войны, так и истпартовскими сотрудниками. К ним нередко прилагались членские билеты, всякого рода справки и другие документы, подтверждающие революционные заслуги.

Кроме вечеров воспоминаний и анкет проводился персональный опрос и точная фиксация ответов конкретных участников революционных событий. Были организованы также групповые собеседования, совещания для узкого круга участников по конкретному факту, например, совещание участников подполья 1905–1907 годов. Важным методическим указанием Северо-Кавказского краевого истпарта была именно тематическая заданность организации мемуаров.

Теоретически требовалось единообразие в форме воспоминаний и яркость языка. Так, заведующий Северо-Кавказским краевым истпартом В. В. Толмачев предостерегал от превращения воспоминаний в протоколы справочного характера. В реальности этого добиться было невозможно, т. к. малограмотные авторы в своем боль-

шинстве не имели литературного дара. В то же время участники событий отличались индивидуальностью, и их воспоминания очень трудно унифицировались. Особый интерес для современного исследователя представляют теоретические положения, согласно которым было отмечено, что «всякое воспоминание индивидуально и отражает личность составителя, но в некоторых случаях по ним можно представить тип революционера, работника определенного периода» [13]. Однако, к сожалению, эти замечания о важности психологических характеристик остались исключительно пожеланиями и не были реализованы на практике отчасти из-за отсутствия высококлассных историков-профессионалов в местном научном сообществе, а отчасти из-за мощного влияния на исследовательскую работу официальной идеологии.

По мере укрепления советской власти, а также окончательного оформления в ходе внутривластной борьбы второй половины 1920-х гг. однопартийной системы власти требовалось сведение в один нарратив всего многообразия «версий» революционных событий и Гражданской войны, получивших отражение в воспоминаниях. Это обстоятельство определило снижение активности истпартов в собирании этого вида источников [10]. Взгляд центра на мемуарные источники был представлен в статье сотрудника Истпарта М. С. Ольминского 1927 года. Признавая важность воспоминаний как источника, он в то же время называл эти многочисленные мемуары о революционных событиях «массовой бессознательной фантастикой», а в черновом варианте текста – «бессознательным враньем», и призывал редакции не принимать ничего «на веру», а сопоставлять рассказ авторов с другими показаниями и документами [15].

К 1930 году сбор воспоминаний перестал носить массовый характер. Сталинский политический режим тормозил эту работу. В установках центра по вопросу о ценности воспоминаний в качестве источников в новых условиях говорилось, что они носят субъективный характер и главное внимание в них уделяется не столько истории пар-

тии, сколько стремлению увековечить свое имя. Данный вид источников признавался непригодным для использования в качестве документальной базы истории, так как авторы воспоминаний многое забыли, перепутали и проводили через призму своих переживаний [20, с. 287–288].

Анализ воспоминаний показал, что их содержание зависело не только от личности автора, но и от степени его участия в событиях, от его социального статуса в советском обществе на момент написания мемуаров. На характер воспоминаний влияло и время их написания. Воспоминания, собранные в первые годы деятельности истпартов, содержат гораздо меньше идеологических штампов, чем те, что написаны или пересказаны в 1930-е годы. Чем дольше авторы адаптировались к жизни в новом обществе, тем сильнее оказывала давление идеология на основные тезисы воспоминаний. Поэтому сегодня тексты таких воспоминаний являются ценным источником интеллектуальной истории 1920–1930-х годов, в которых

отражены особенности сознания людей той эпохи. Наряду с идеологическими установками официальной власти в мемуарах того времени изложены индивидуальные мнения и оценки, отражавшие отдельные моменты истории местных революционных событий в массовом сознании.

Таким образом, истпарты Северного Кавказа проводили сбор источников личного происхождения в различных формах и разными методами. К ним можно отнести анкеты, автобиографии, стенограммы вечеров воспоминаний, личные воспоминания. Интенсивность их сбора зависела от существовавших представлений о месте воспоминаний в источниковой базе и исследовательской работе истпартов, изменявшихся на протяжении всего функционирования истпартовской сети. В целом мемуарные кампании, помимо получения непосредственно воспоминаний, были элементом деятельности власти по формированию нового исторического сознания в различных группах советского общества.

Литература

1. Бюлетень Истпарта №1. – М., 1921.
2. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (далее – ГАНИСК). Ф.50. Оп.4. Д.312.
3. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.312.Л.1.
4. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.342. Л.4об., 5.
5. ГАНИСК. Ф.50. Оп.4. Д.4. Л.1.
6. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика / Под общ. ред. А.К. Соколова. – М., 2004.
7. Ко всем членам партии. (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП). – М., 1920.
8. Покровский М.Н. Двадцатилетие нашей первой пролетарской революции // Пролетарская революция – 1924. – №11.
9. Проект анкеты по революции пятого года // Пролетарская революция – 1924. – №11.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.70. Оп.1. Д.135. Л.17.
11. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.1. Л.1, 2.
12. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.191. Л.26.
13. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.299. Л.70.
14. РГАСПИ. Ф.70. Оп.2. Д.359. Л.5.
15. РГАСПИ. Ф.70. Оп.4. Д.329. Л.30.
16. Хроника. Бюро Истпарта // Пролетарская революция. – 1922. – №11.
17. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф.12. Оп.1. Д.327. Л.4-4об.
18. ЦДНИРО. Ф.12. Оп.3. Д.1320. Л.7.
19. ЦДНИРО. Ф.4. Оп.1. Д.166. Л. 26.
20. Эссен М. Об институтах по истории партии // Пролетарская революция. – 1930. – №5.